

ЗАПИСКИ
РУФИНА
ПЮТРОВСКАГО

РОССІЯ И СИБИРЬ

1843—1846

NORRKOEPING
ERIC BIORNSTRÖM
—
1863

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вмѣсто предисловія	I
I	
Парижъ. Счастливое знакомство въ госпиталѣ	1
II	
Мой паспортъ. Переговоры съ эмиграціей. Приготовленіе къ отъѣзду. Мои средства и планъ. Путешествіе до Вѣны	8
III	
Пестъ. Свиданіе съ Кошутомъ	11
IV	
Отъ Песта до Подолія. Карпаты. Русская граница	17
V	
Новосильцы. Таможня. Каменецъ Подольскій	20
VI	
Пребываніе въ Каменцѣ. Разрешеніе остаться тамъ. Я дѣлаюсь учи- телемъ французскаго языка. Непріятности этого положенія. Тог- дашнее состояніе этой провинціи. Злоупотребленія русскихъ чи- новниковъ	24
VII	
Возвращеніе изъ Бессарабіи. Моя тайна дѣлается извѣстною. Про- иски чиновниковъ. Опасность. Отчего я не бѣжалъ	30
VIII	
Арестъ. Начало слѣдствія. Показанія другихъ. Подлость Нитов- скаго и Лещинскаго	34
IX	
Слабость характера другихъ обвиненныхъ. Мое признаніе и показанія	42
X	
Отъѣздъ изъ Каменца. По дорогѣ въ Кіевъ. Меня заковываютъ въ цѣпи. Прибытіе въ Кіевъ	49
XI	
Кіевская цитадель. Генераль губернаторъ Бибииковъ	58

XII

Слѣдственная коммиссія. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей. Устройство тайной полиціи въ Россіи	70
--	----

XIII

Новыя показанія противъ меня. Мое защищеніе.	78
--	----

XIV

Что значить царская милость. Свидѣтельствованіе меня и взятіе примѣтъ. Приговоръ обвиненнымъ со мною. Я передъ военнымъ судомъ и осужденъ на пожизненную каторжную работу въ Сибирѣ.	83
--	----

XV

Отъѣздъ изъ Кіева. Мои жандармы. Дорогой — въ Малороссіи и русскихъ губерніяхъ	92
--	----

XVI

Партіи смельныхъ. Разныя встрѣчи и дальнѣйшая дорога до Омска. Декабристы	98
---	----

XVII

Омскъ — и окончательное назначеніе. Екатеринбургскій заводъ. Пріѣздъ туда и пріемъ тамъ	103
---	-----

XVIII

Моя работа и мои товарищи. Обхожденіе со мною чиновниковъ. Работа въ канцеляріи. Поселеніе. Нашъ образъ жизни	111
---	-----

XIX

Сибирское войско. Поселенцы. Нерчинскіе рудники. Сосланные Поляки. Петръ Высоцкій. Священникъ Строчицкій и его товарищи.	124
--	-----

XX

Приготовленія къ бѣгству. Препятствія. Бѣгство черезъ Тару, Ирбитъ и Верхогурье до Соликамска.	136
--	-----

XXI

Путешествіе отъ Соликамска черезъ Чердынь, Кай, Великій Устюгъ, и потомъ по Двинѣ, въ Архангельскъ	147
--	-----

XXII

Дальнѣйшее путешествіе черезъ Онегу, Вытегру, и Новую Ладогу. Петербургъ. Отъѣздъ въ Ригу.	156
--	-----

XXIII

Дальнѣйшее путешествіе по Курляндіи. Граница. Побѣгъ черезъ нее. Кенигсбергъ, гдѣ я попадаюся въ прусскія лапы	167
--	-----

XXIV

Голубая башня. Новые допросы. Тюремное заключеніе. Свобода. Еще опасность. Франція	175
--	-----

Желая познакомить русских читателей съ записками польскихъ изгнанниковъ и біографіей польскихъ мучениковъ, мы предприняли перевести или сократить съ польскаго самыя замѣчательныя изъ нихъ. Читая эти записки и біографіи, каждый безпристрастный и образованный читатель убѣдится въ строгой истинѣ, откровенной простотѣ, наивной чистосердечности, съ какими онѣ написаны. Ни похвалы, ни кичливости, ни фальшиваго безстрашія, ни выставки нечеловѣческой твердости и мужества не доищется въ нихъ самый злѣйшій и закоренѣлый врагъ Поляковъ. Любовь къ отечеству, горячая вѣра въ его будущность, доходящая часто до экзальтаціи, свойственной всѣмъ угнетеннымъ, глубокое религіозное чувство, зародившееся въ изгнаніи или казематѣ и поддерживающее узника въ самыя тяжкія и безотрадныя минуты его заключенія, незлобіе жертвы обреченной на закланіе, непредѣльная преданность общему дѣлу, при которой чувство самосохраненія подавлено и забыто, истинный героизмъ, безъ утайки цѣною какой борьбы съ самимъ собою и какими страданіями онъ купленъ, чистосердечное описаніе страха и ужаса, съ которыми шелъ на допросъ и готовился къ пыткамъ несчастный узникъ, вотъ чѣмъ преисполнены записки и біографіи политическихъ дѣятелей и изгнанниковъ поль-

скихъ. Правда дышетъ въ каждомъ словѣ; она слышится и заявляетъ себя во всякой подробности, выдумать которую было бы невозможно. Чистосердечныя и откровенныя признанія льются изъ измученнаго и наболѣвшаго сердца страдальца и неотразимо наполняютъ состраданіемъ, уваженіемъ и удивленіемъ сердце читателя. Наиболѣе всего удивляетъ въ этихъ запискахъ чувство незлобія, отсутствіе ненависти, благородная признательность къ русскимъ чиновникамъ, солдатамъ, жандармамъ и простолюдинамъ, которые хотя однимъ словомъ или взглядомъ показали участіе или чѣмъ нибудь облегчили, по мѣрѣ возможности, положеніе обвиненнаго и осужденнаго. Способность прощать, выносить страшную кару безъ озлобленія и проклятія есть отличительная черта всѣхъ польскихъ страдальцевъ. Непримиримой ненависти къ русскимъ, неутолимой жажды мести мы не нашли въ этихъ запискахъ; презрѣніе и ненависть исключительно падаютъ на страшнаго деспота, чья желѣзная рука гнула такъ долго Польшу и Россію. Негодованіе и презрѣніе высказываются также въ отношеніи низкихъ исполнителей безпощадныхъ и жестокихъ приказаній Николая I, которые, утративъ всякое человѣческое чувство, какъ звѣри бросались на свою жертву и, истязавъ ее физически и морально, присуждали ее гнить въ казематахъ и рудникахъ. О такихъ извергахъ нельзя думать безъ содроганія!

Записки польскихъ изгнанниковъ, которыя мы предлагаемъ теперь публикѣ, дадутъ понятіе о томъ состояніи, въ которое ввергнута несчастная польская нація, угнетенная, задавленная, растерзанная, но не уничтоженная и не порабощенная! Польша можетъ приложить къ себѣ слова писанія: духъ мой бодръ! не прибавляя: плоть моя немощна; ибо и плоть ея въ лицѣ сыновъ и дочерей ея не

была и не есть немощна. Свято охраняла она свой духъ отъ отчаянія, отъ позорнаго равнодушія къ судьбамъ своего отечества, и укрѣпила, и закалила его несокрушимую силу среди безпримѣрныхъ бѣдствій. Муки душевныя, муки тѣлесныя выносила она мужественно. Кровь сыновъ, женъ и малыхъ дѣтей польскихъ, заструившаяся еще такъ недавно по улицамъ и площадямъ Варшавы, свидѣтельствуешь о мощи духа неотступающей ни передъ какимъ подвигомъ, чтобы заявить свою любовь къ отечеству. Любовь эта сказывается вездѣ и во всемъ и воспламеняетъ всѣ сердца польскія. Вотъ уже скоро поль-вѣка, что нація эта отдастъ лучшихъ и прекраснѣйшихъ дѣтей своихъ на жертву новому минотавру, петербургскому правительству! Не устаетъ минотавръ пожирать благородныхъ дѣтей Польши, не устаютъ они сами бросаться въ его разверзтую пасть, не устаютъ геройскія польскія матери, жены и сестры, подобно христіанкамъ древняго Рима, присутствовать при мученичествѣ милыхъ своихъ и воодушевлять ихъ. Часто, отдавъ уже мужа и сына, оплакавъ его потерю, съ блѣдностію на лицѣ, но твердостію во взорѣ, принимаются эти доблестныя женщины, не робѣя воспитывать послѣдняго сына въ той же любви къ отечеству. Онѣ готовятъ его на ту же участь, на ту же жертву, на то же мученичество. Если мужъ, сынъ и братъ умерли въ казематѣ или въ тяжкихъ оковахъ, угасли въ рудникахъ, или что еще страшнѣе, погибли вынося варварскую казнь: съ вѣзъ строй, казнь приводящую въ содроганіе чловѣческое сердце, польская мать и жена часто умираютъ подъ тяжестію этого креста, но за ними остаются другія женщины и твердо исполняютъ долгъ свой, воспитывая новыхъ сыновъ отечеству. Заранѣе обрекаютъ онѣ новую жертву деспотизму, поддерживаемому въ Польшѣ несмѣтной арміей,

дѣсами штыковъ, толстыми непробиваемыми стѣнами крѣпостей и тяжкими, до кости протирающими ноги и руки, оковами. Идутъ эти нескончаемыя вереницы благородныхъ дѣтей Польши по страшной дорогѣ, истекая кровью, истомленные, изнуренные, часто пыткой замученные, но гордые и сильные духомъ. Они идутъ въ сибирскіе снѣга, идутъ по тойже самой дорогѣ, по которой шли прежде нихъ и пойдутъ послѣ нихъ ихъ братья Поляки; — дорога протоптана, они увлажили ее своими слезами, утучнили своей кровью; они знаютъ это, но не падаютъ духомъ. Этимъ покупаютъ они въ будущемъ свою дорогую независимость. Не они, такъ дѣти ихъ будутъ свободны. Эта мысль ихъ поддерживаетъ, воодушевляетъ и помогаетъ имъ переносить тяжкія муки. И долго-ли будутъ толпы ихъ, которыя казаки гонятъ какъ стадо, ходить по этой страшной Владимиркѣ? Долго ли будетъ литься на улицахъ отъ ружья и штыка солдата, въ казематахъ отъ кнута палача, въ арміяхъ отъ шпицрутеновъ, ихъ невинная и праведная кровь? Долго-ли будутъ литься кровавыя слезы матерей и женъ? Долго-ли будутъ умирать эти женщины, когда исполнивъ долгъ гражданки, онѣ отдають богу душу не будучи въ силахъ перенести потери тѣхъ, къ которымъ жило ихъ сердце. Долго-ли будутъ вопіять къ небу о справедливости эта невинная кровь, эти невинныя слезы, эти преждевременно угасшія жертвы? Мы спрашиваемъ это у васъ русскіе честные люди, мы спрашиваемъ это у васъ честныя русскія женщины. Всѣ мы повинны въ крови и слезахъ польскихъ мучениковъ и мученицъ. На насъ падаетъ кровь благородныхъ сыновъ Польши, на насъ падаютъ слезы матерей польскихъ! У всякаго изъ насъ, честныхъ людей русскихъ, есть средства противодѣйствовать такимъ вопіющимъ беззаконіямъ! У насъ есть слово, чтобы карать ихъ, у насъ

есть возможность заклеить презрѣніемъ и отлученіемъ изъ нѣдръ общества всякаго, кто сдѣлался орудіемъ угнетенія, совершилъ жестокости и беззаконія, повинуваясь коварному и жестокому петербургскому правительству. Вамъ честнымъ русскимъ женщинамъ принадлежитъ святое право инициативы. Если бы каждая изъ васъ отказалась позволить переступить порогъ своего честнаго дома тому, кто запятналъ свое имя и свою честь участіемъ въ бойнѣ Варшавской и Виленской, участіемъ въ той разбойничьей шайкѣ, которая на правительственномъ языкѣ называется военнымъ судомъ, участіемъ въ ужасахъ застѣнковъ, гдѣ пытку и истязанія зовутъ допросомъ, то такихъ исполнителей было бы меньше и быть можетъ вовсе бы не было. Мало ли замучено несчастныхъ юношей и сѣдыхъ стариковъ? Спросите у Бибиковыхъ, Писаревыхъ, Долгорукихъ Трубецкихъ (Виленскихъ) что дѣлали они съ тѣми, которыхъ допрашивали и безъ суда судили. Спросите у Рожновыхъ, Абрамовичей, Кржижановскихъ, Платоновыхъ, Хрулевыхъ, Урусовыхъ (въ Радомѣ), Веймарновъ, Савастьяновыхъ, Назимовыхъ (въ Вильнѣ), Паномаревыхъ, Лидерсовъ, Мерхелевичей, Пильсунскихъ, Шепелевыхъ, Вагнеровъ, Вороновыхъ, Рудановскихъ (въ Сувалкахъ), что дѣлали они съ тѣми, которыхъ допрашивали и безъ суда судили? И развѣ это все? Замучивъ взрослыхъ, русское правительство отбирало малолѣтнихъ дѣтей и размѣщало ихъ по корпусамъ. Тамъ всѣми возможными способами силлось оно растлить дѣтей и юношей, привить имъ всѣ пороки. Тамъ презрѣніе къ родной странѣ считалось добродѣтелью, тамъ, въ подражаніе римскимъ императорамъ, учили дѣтей, что царь земной богъ (Калигула и Неронъ тоже произвели себя въ боги); тамъ внушали имъ что шпионить есть святая обязанность, а бить своихъ, стрѣлять

по безоружнымъ, по первому приказанію, священнѣйшій долгъ. Этими послѣдними правилами не успѣли развратить и заразить Поляковъ, но къ несчастію и стыду нашему заразили и развратили нашихъ соотечественниковъ и мы видѣли плоды такихъ внушеній въ селѣ Безднѣ, въ Пензѣ, у молодцевъ Дренякина и въ Варшавѣ у молодцевъ Хрулева. Чтобы вѣрнѣе достигъ своихъ цѣлей, убивая духъ и разумъ дѣтей, измучивали и тѣло ихъ. Нещадно казнило правительство и учрежденныя имъ власти всякаго ребенка, у котораго мерцалъ лучъ мысли, билось сердце, горѣли глаза и кипѣла кровь. Всякаго, кто не повиновался немедленно и слѣпо, били розгами до безчувствія и часто до смерти. Вспомните засѣченныхъ дѣтей при Сухозанетѣ и Клейнмихелѣ. Какъ не понять послѣ этого почему въ Кіевѣ одна молодая женщина, когда къ ней вошелъ жандармскій полковникъ, чтобы взять сына воспитывать въ корпусъ, загородила его собою, прижавшись съ нимъ къ углу комнаты. Богатая несчастіями женщина оплакала уже сосланнаго отца, замученнаго мужа и у ней оставался только единственный восьми лѣтній сынъ. Его то защищала она отъ безчеловѣчнаго и безжалостнаго сбира, посланнаго Бибиковымъ: „Я не отдамъ сына, не подходите ко мнѣ, крикнула она полковнику жандарму—не отдамъ, лучше убью его!“ И не убьете и отдадите! сказала любовно улыбаясь полковникъ-жандармъ и довольный такимъ ловкимъ, кстати сказаннымъ словомъ, спокойно приближаясь къ своей жертвѣ. Въ изступленіи и безуміи несчастная мать выхватила ножъ, сверкнула имъ и вонзила его въ горло сына. Ребенокъ умеръ на мѣстѣ. Мать приговорили къ вѣчной каторжной работѣ—но преданіе (недавнее, но темное какъ всѣ темныя дѣла властей петербургскихъ), говорить что несчастная женщина сошла съ ума. Пусть ука-

жуть намъ другое правительство въ Европѣ, не исключая и Турціи, которое бы достигло такихъ результатовъ въ XIX вѣкѣ: изъ нѣжной матери сдѣлать Медею!

А полковникъ-жандармъ? Вѣроятно на другой же день, въ блестящемъ собраніи, посреди улыбающихся ему женщинъ, рассказывалъ свои ревностныя дѣйствія для открытія измѣнниковъ (кому? чему?), говорилъ съ негодованіемъ о ихъ закоренѣломъ ожесточеніи, расписывалъ въ сильныхъ выраженіяхъ этого изверга-мать, убившую собственнаго, единственнаго сына. Находились слушатели, разряженные слушательницы, находились руки которыя жали эту руку—и не поняли, что слушать эти рассказы равнодушно, безъ негодованія и протеста, значить приобщить себя къ преступленію, совершенному полицейскимъ сыщикомъ, безчеловѣчнымъ исполнителемъ варварскаго поведѣнія. Находились и находятся еще теперь честные дома, гдѣ не стыдятся принимать за своимъ честнымъ столомъ, посреди честнаго семейства какого нибудь патентованнаго разбойника, не сознавая что предлагать ему хлѣбъ соль и честную руку значить не уважать самихъ себя и пятнать свою собственную честь и имя. Отъ того то среди насъ является столько лицъ, которыхъ грудь покрыта орденами, которые по чтены высокими чинами, гордо поднимаютъ голову и ходятъ глядя всѣмъ прямо въ глаза, будто руки ихъ не обагрены кровью, будто совѣсть ихъ не отягчена страшными дѣлами. Они въ правѣ думать, что за ними остается общее уваженіе, ибо ни одна рука не оттолкнула ихъ руки, ни одно приглашеніе не миновало ихъ, ни одно слово, сказанное прямо въ глаза, не заклеимило ихъ. Они можетъ быть и не знаютъ, а если знаютъ то пренебрегаютъ тѣми, которые за глаза говорятъ и рассказываютъ о нихъ не хорошее, пренебрегаютъ тѣмъ, что здѣсь и тамъ.

слышутся горячіе и живые голоса, запальчиво и громко ихъ обвиняющіе. Какая имъ до этого нужда? На груди ихъ кресты, на визитныхъ карточкахъ чины, въ карманѣ арены или патенты на жалованнія въ Самарѣ, Польшѣ, Саратовѣ, земли! А за что все это пожаловано? Кому какое до этого дѣло! Вотъ откуда происходитъ безнаказанность, съ которою совершаются въ Польшѣ и у насъ всѣ беззаконія. Петербургское правительство жалуетъ, жалуетъ щедро, а общество не казнить и не караетъ, а безмолвствуетъ! Мы, русскіе, говоримъ безпрестанно правительству, думая прикрыть отвлеченнымъ и широкимъ словомъ собственную несостоятельность, слабость, безсознательность и постыдное малодушіе. Но что такое правительство? Вѣдь оно не состоитъ изъ одного Александра Николаевича, который, не смотря на многіе свои недостатки, не только не кровопійца и не извергъ, но даже добрый человѣкъ, не способный самъ рубить безоружный народъ, колоть штыками дѣтей и женщинъ, засѣкать нагайками до полу смерти. Правительство не состоитъ тоже изъ однихъ министровъ, многіе изъ которыхъ люди честные и порядочные. Правительство это совокупность множества людей, занимающихъ видныя и не видныя мѣста, слѣдственно это значительная часть самаго нашего общества. Это цѣлыя тысячи, несмѣтныя стаи Бибиковыхъ, Писаревыхъ, Паскевичей, Назимовыхъ, Похвисневыхъ, Мухановыхъ, Лидерсовъ, Хрулевыхъ, Мерхелевичей и многихъ другихъ. За каждымъ изъ этихъ лицъ слѣдуетъ несчетная, какъ саранча, туча темныхъ, но ревностныхъ исполнителей. Вотъ они то опустошаютъ какъ моровая язва польскія семьи. Куда войдетъ такой вѣрный слуга царя тамъ слезы и трауръ. Тѣ изъ нихъ, которые набиваютъ свои карманы, менѣе страшны, отъ нихъ можно откупиться! Всѣ знаютъ, что

Поляки жившіе въ Кіевѣ, что вся Виленская и Подольская губерніи отступались долгое время отъ Писарева и другихъ, которые впрочемъ счастливо и успѣшно соединили ремесло вора съ промысломъ разбойника. Надо замѣтить, что ревностный исполнитель солдатъ и ловкой взяточникъ чиновникъ, выгораживающій жертву, смотря по величинѣ принятой отъ нея суммы, выслуживаются одинаково скоро; имена ихъ почти неизвѣстныя вчера, становятся извѣстными нынче. Ревность ихъ къ службѣ, по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ, усугубляется и они наполняютъ Польшу ужасомъ и ненавистію, наполняютъ Россію темными, неопредѣленными о себѣ слухами, до тѣхъ поръ, пока какая нибудь славная битва, въ родѣ битвы въ церквяхъ св. Іоанна и св. Креста не прославитъ на вѣки ихъ имя и въ Россіи. Честь разбивать нагайками и прикладами лица женщинъ и таскать за ноги по мостовой безоружныхъ, умирающихъ отъ нанесенныхъ имъ ранъ людей, вдругъ даетъ всеобщую извѣстность ихъ имени. Такъ сталъ, намъ русскимъ, извѣстенъ Герштенцвейгъ (слава богу, что имя немѣцкое, будто писать легче), котораго всѣ знали до тѣхъ поръ только за неуча, николаевского генерала, а послѣ взятія приступомъ церковей признали наконецъ за то, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, за патентованнаго правительствомъ кондотьера.

Кромѣ губернаторовъ и генераловъ, сколько армейскихъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ (не говоримъ о солдатахъ, они въ своемъ родѣ тоже мученики), становыхъ, сотскихъ, казаковъ, башкировъ, киргизовъ, черкесовъ, которые наводнили Польшу и отличаются другъ передъ другомъ своею безчеловѣчною ревностію при исполненіи приказаній. Какъ знатно, не говоря объ убійствахъ, думютъ они нагайками. Прочтите только письмо англичанина Ми-

челя, писанное къ лорду Росселю; это формальная жалоба на оскорбленія, нанесенныя англійскому подданному казаками и башкирами, которые избили его за то, что встрѣтили на улицѣ! Въ массѣ нашего общества слышатся часто неблагопріятные отзывы о Полякахъ. Эти отзывы осуждающіе цѣлую націю огуломъ происходятъ отчасти отъ невѣжества, отчасти отъ долголѣтнихъ внушеній петербургскаго правительства, которое видѣло свою прямую выгоду въ томъ, чтобы между двумя народностями русской и польской положить бездну вражды и обоюднаго отвращенія. Оно успѣло въ этомъ тѣмъ скорѣе, что историческія преданія еще живы и не надо было много усилій, чтобы подогрѣть воспоминаніе о прежней, старей борьбѣ и старыхъ раздорахъ. Кромѣ того, въ одной изъ частей нашего образованнаго общества, живъ еще, столько разъ намъ вредившій, предрасудокъ. Онъ опирается на мнимо такъ называемомъ величіи Россіи, которое понимается совершенно превратно и состоитъ только въ томъ, чтобы цѣною крови, общаго презрѣнія и негодованія всего образованнаго мира, сохранить неприкосновенно свои прежнія завоеванія, настоящія свои границы. Аргументъ обыкновенно такой: „мы проливали кровь нашу а теперь отдадимъ Польшу? какъ бы не такъ!“ Какъ будто изъ того что мы проливали кровь, желая захватить чужое, слѣдуетъ опять лить кровь, чтобы сохранить чужое. Что окажется въ результатѣ? Петербургское правительство наберетъ рекрутъ; отъ чего пол-Россіи обольется кровавыми слезами, погонитъ этихъ рекрутъ на границы; половина ихъ помретъ въ дорогѣ, другая половина погибнетъ на войнѣ отъ ранъ, лишений и болѣзней; генералы наши надѣлаютъ тысячи глупостей, низостей и звѣрствъ, а чу-

жое, неправедно захваченное, все таки останется чужимъ и отойдетъ! Нечего сказать, завидные результаты!

Пусть русскіе читатели не смущаются и умѣютъ понять ненависть Поляковъ къ Москалямъ, ненависть, которая не разъ высказывалась въ заграничныхъ журнальныхъ статьяхъ. Поляки не имѣютъ понятія о русскихъ; изъ русскихъ они знаютъ только начальниковъ, грабителей и изверговъ, которыхъ имъ присылаетъ петербургское правительство. Во время нашего долгаго пребыванія въ Варшавѣ, одинъ Полякъ, жившій въ Россіи и нѣсколько знавшій ее, говорилъ намъ: Въ Варшавѣ всякій негодяй — чиновникъ навѣрное русскій. Если изъ Петербурга назначали сюда, случайно или по ошибкѣ, порядочнаго человѣка, онъ не выживалъ у насъ трехъ мѣсяцевъ и подавалъ въ отставку. Зрѣлища тѣхъ ужасовъ, которые здѣсь совершаются, порядочный человѣкъ вынести не можетъ. Бываетъ и на оборотъ; если сюда попадетъ честный начальникъ, то само петербургское правительство недовольно имъ и смѣняетъ его. Какъ же хотять русскіе чтобы ихъ здѣсь любили; не надо тоже забывать, что русскіе-побѣдители, владѣютъ нашей страной по праву сильнаго — можно ли любить ихъ?*

Поляки не мстительны и доказательствомъ тому служить, что никто изъ русскихъ чиновниковъ наиболѣе ненавидимыхъ не былъ убитъ въ первые дни варшавскихъ смутъ, когда начальство растерялось. Впрочемъ, съ нѣкотораго времени, въ Польшѣ происходитъ поворотъ общественнаго мнѣнія; поляки поняли что русскіе генералы-солдаты, русскіе грабители-чиновники не суть представители всего русскаго общества, но только его тина и грязь. Поляки узнали, что умные и честные русскіе администраторы, умные и честные генералы упорно от-